

Тайна отца Брауна

Гилберт Честертон

ТАЙНА ОТЦА БРАУНА

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Ч-51

*Перевод с английского Наталии Трауберг,
Раисы Облонской и Инны Бернштейн*

Честертон, Г.

Ч-51 Тайна отца Брауна / Г. Честертон; [пер. с англ. Н. Трауберг, Р. Облонская, И. Бернштейн]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 234 с.

ISBN 978-5-521-74835-8

Гилберт Честертон (1874–1936) – классик английской литературы, чьи детективные романы приобрели широкую мировую известность. В нашей стране он известен прежде всего как автор детективных историй о патере Брауне. Рассказы этого сборника объединяет детективная сюжетная линия с одним главным героем – отцом Брауном, которому подвластна разгадка любого, даже самого запутанного преступления. Автором он показан как тонкий знаток человеческой психологии. Произведения сборника имеют не только психологическую, но и религиозную подоплёку: например, рассказ «Сапфировый крест» повествует о вечности и неизбежности заповеди «Не укради».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2018
© Перевод. Р. Облонская, наследники, 2018
ISBN 978-5-521-74835-8 © Перевод. И. Бернштейн, наследники, 2018

АЛАЯ ЛУНА МЕРУ

Все были согласны в том, что благотворительный базар, устроенный в Мэллоувудском аббатстве (конечно, с согласия леди Маунтигл), удался на славу. Качели, карусели и панорамы всюду развлекали народ; я отметил бы и самую благотворительность, если бы кто-нибудь из присутствующих там лиц объяснил мне, в чем она состояла.

Как бы то ни было, нам придется иметь дело далеко не со всеми этими лицами, прежде всего — с тремя из них, а именно с одной дамой и двумя джентльменами, которые, громко споря, проходили между главными павильонами или, точнее, палатками. Справа от них помещался прославленный провидец, чье малиновое обиталище испещряли черные и золотые божества, многорукие, как спруты. Быть может, они свидетельствовали о том, что не оставят его своею помощью; быть может, попросту воплощали мечту любого хироманта.

Слева стоял шатер френолога, украшенный, не в пример скромнее, на удивление шипковатыми черепами Сократа и Шекспира. Как и подобает истинной науке, здесь были только белая и черная краски, только числа и чертежи; малиновая же палатка, где царила тишина, завлекала таинственным темным входом. Френолог по фамилии Фрозо — юркий смуглый человек с неправдоподобно черными усами — стоял у своего святилища и объяснял неведомо кому, что любая голова окажется такой же значительной, как у Шекспира. Едва показалась дама, он кинулся к ней и со всей старомодной учтивостью предложил пощупать ее череп.

Дама отказалась до грубости вежливо, но мы простим ей это, ибо она была увлечена спором. Простим мы и потому, что она была хозяйкой, самою леди Маунтигл. Никто не назвал бы ее неприметной: глубокие темные глаза светились каким-то голодным блеском, а бодрая, даже яростная улыбка несколько противоречила изможденному лицу. Наряд ее был причудлив, согласно тогдашней моде, ибо происходило это задолго до войны, так успешно научившей нас серьезности и собранности. Одежды походили на палатку провидца, в них было что-то восточное, их испещряли диковинные, тайные символы. Но все знали, что Маунтиглы свихнулись, то есть, в переводе на язык науки, что они занимаются восточной культурой и восточными верованиями.

Диковинные свойства дамы оттеняли совершенную пристойность обоих джентльменов. Как велела та допотопная мода, все в них было строго и безукоризненно, от белых перчаток до сверкающего цилиндра. Однако различались и они; Джеймс Хардкасл сочетал пристойность с изысканностью, Томми Хантер — с пошловатостью. Хардкасл был многообещающим политическим деятелем, хотя в свете интересовался чем угодно, кроме политики. Можно, конечно, сказать, что каждый политик много обещает. Но, будем справедливы, Хардкасл немало и делал. Однако малиновые шатры не вызывали в нем прилива деятельности.

— На мой взгляд, — говорил он, вставляя в глаз монокль, оживлявший своим сверканием его суровое лицо, — прежде, чем спорить о магии, мы должны установить пределы еще непознанных сил. Несомненно, силы такие есть, даже у весьма отсталых людей. Факиры творят поразительные вещи.

— Вы хотели сказать, жулики? — с наивным видом спросил второй джентльмен.

— Томми, не говори глупостей, — сказала дама. — Вечно ты споришь о том, чего не знаешь! Словно школьник, честное слово, который обличает фокусника. Этот мальчишеский скепсис так устарел... Что же до непознанных сил, я полагаю...

В этот миг дама увидела кого-то, кто был ей нужен, — неуклюжего человека в черном, стоявшего у павильона, где дети бросали обручи в уродливейшие фигурки, — и кинулась к нему, крича:

— Отец Браун, а я ищу вас! Мне нужно с вами посоветоваться. Вы верите в предсказания?

Тот, к кому она воззвала, беспомощно смотрел на обруч в своей руке.

— Я не совсем понял, — сказал он, — в каком смысле вы употребили слово «верить». Конечно, если это шарлатанство...

— Нет, нет! — вскричала дама. — Учитель совсем не шарлатан! Для меня большая честь, что он пришел. Он провидец, пророк. Предсказывает он не какую-нибудь удачу в делах. Он открывает глубокие духовные истины о нас самих, о нашей подлинной сути.

— Вот именно, — сказал отец Браун. — Если это шарлатанство, я ничего против не имею. Мало ли шарлатанства на таких базарах, да никто и не примет их всерьез! Но если дело дошло до духовных истин, я считаю, что это бесовская ложь, от которой надо держаться подальше.

— Ваши слова парадоксальны, — с улыбкой заметил Хардкасл.

— Никак не пойму, что такое парадокс, — задумчиво сказал священник. — По-моему, они очень просты. Если

кто-нибудь притворится шпионом и станет лгать противнику, вреда не будет. Но если человек действительно работает на врага...

— Вы думаете... — начал Хардкасл.

— Да, — отвечал священник. — Я думаю, что ваш провидец связан с Врагом рода человеческого.

Томми Хантер захихикал от удовольствия.

— Что ж, — сказал он, — если так, этот темнокожий субъект просто святой!

— Мой кузен неисправим, — вздохнула леди Маунтигл. — Он и сюда приехал, чтобы обличать Учителя. Поистине, он бы стал разоблачать Будду или Моисея.

— Нет, дорогая сестрица, — улыбнулся Томми. — Я приехал, чтобы тебе помочь. Когда эти обезьяны тут, я за тебя беспокоен.

— Ну вот, опять! — сказала леди. — Помню, в Индии поначалу все мы недолго любили темнокожих. Но когда я убедилась в их поразительных духовных силах...

— У нас с вами разные взгляды, — сказал священник. — Вы прощаете темную кожу, потому что кто-то достиг высшей мудрости. Я прощаю высшую мудрость, потому что кто-то другого цвета, чем я. По правде говоря, меня не так уж волнуют духовные силы, мое дело — духовные слабости. Но я никак не пойму, чем плох человек, если он того прекрасного цвета, что бронза, или кофе, или темное пиво, или северный ручей, пробива-

ющийся сквозь торф. В сущности, и фамилия моя означает этот самый цвет, так что я немного к нему пристрастен...

— Ах вон что! — победительно воскликнула леди Маунтигл. — Я так и знала, что вы шутите.

— М-да... — промычал Томми Хантер. — Когда говорят серьезно, это мальчишеский скепсис. Скоро он начнет гадать?

— В любую минуту, — отвечала дама. — Это не гадание, а хиромантия. Но для тебя ведь все едино...

— Мне кажется, есть и третий путь, — сказал, улыбаясь, Хардкасл. — Многое можно объяснить естественно. Вы пойдете к нему? Признаюсь, я сильно заинтригован.

— Не выношу чепухи! — сердито сказал скептик, и его круглое лицо побагровело от злости. — Идите гадайте, а я пойду катать кокосы.

Френолог, маячивший неподалеку, кинулся к нему.

— Простите, — сказал он, — череп устроен гораздо интересней. Никакой кокос не сравнится хотя бы с вашим...

Хардкасл нырнул тем временем в темное отверстие палатки, изнутри послышались неясные голоса. Том Хантер резко отвечал френологу, выказывая прискорбное равнодушие к превосходству вполне точных наук, а кузина его собиралась продолжать спор с коротышкой патером, как вдруг в удивлении замолчала.